

Татьяна Савчук

Семантико-прагматические ошибки в научной аргументации (на материале русских и белорусских гуманитарных текстов)

В статье представлен результат логико-лингвистического анализа русско- и белорусскоязычного научно-гуманитарного дискурса. Систематизируются семантико-прагматические ошибки, источником которых является неадекватное использование языковых средств вследствие нарушения принципа интерпретируемости. Характеризуются такие виды девиаций, как семантическая деформация, категориальный сдвиг, семантический сбой, референциальная неопределенность, семантико-прагматический диссонанс и др. Описываются механизмы возникновения этих погрешностей, обосновывается их семантико-прагматическая природа.

Ключевые слова: аргументация, аргументативная ошибка, научно-гуманитарный дискурс, русский язык, белорусский язык

Введение

Исследование аргументации – особой интеллектуально-коммуникативной деятельности, связанной с прагматикой убеждения, – предполагает не только описание аргументативного дискурса, но также его критический анализ и оценку. Критический подход к аргументирующему рассуждению предусматривает установление критериев его правильности и создание типологии ошибок. Как отмечают аргументологи, разработка «адекватных подходов к определению различных видов ошибок и соответствующих методов их идентификации в реальных аргументативных практиках» является приоритетным направлением современной теории аргументации (van Eemeren et al. 2014: 25).

Опыт изучения аргументации в нормативном аспекте имеет давнюю традицию, восходящую к трудам Аристотеля, таким как «Тописка», «Риторика», «О софистических опровержениях»¹. Вместе с тем универсальная и общепризнанная теория аргументативных ошибок до сих пор не создана. Объясняется это, прежде всего, различием исследовательских подходов к данной проблеме. Кроме того, дискурсивные практики настолько многообразны и специфичны, что стандарты их критического измерения едва ли

¹ Ретроспективный обзор теоретических подходов к нормативному исследованию аргументации см. в: (van Eemeren 2001: 135–164).

поддаются унификации. В этой связи особую важность приобретает создание нормативных концепций, ориентированных на определенные типы дискурса.

Объектом нашего исследовательского интереса является аргументация в дискурсе гуманитарных наук. Согласно авторской концепции, критический анализ научно-гуманитарного дискурса производится на трех уровнях рациональности: структурном, вербально-семантическом и стратегическом. В фокусе данной статьи находится языковой уровень аргументирования. В работе ставилась цель эксплицировать нормы вербального представления аргументации, систематизировать ошибки, допускаемые в аргументирующем рассуждении. Анализ проводился на материале научных статей по различным направлениям гуманитаристики (социологии, психологии, культурологии, лингвистике, журналистике), опубликованных в рецензируемых журналах за 2001–2015 гг. Фактологическая база включает 300 научных текстов: 150 на русском языке и 150 на белорусском языке. Основным методом исследования стал логико-лингвистический анализ; были использованы также дискурс-анализ и метод интерпретации.

Наша нормативная модель строится с учетом общезначимых характеристик аргументации (см., напр., Брутян 1992: 9–24), а также специфических свойств письменного научно-гуманитарного дискурса, таких как высокий уровень рациональности, ответственности и аргументативной компетентности участников, целевая установка на кооперативное взаимодействие, предварительная продуманность и подготовленность коммуникации.

Опорой для нашей теории послужили: известный Принцип кооперации Г.П. Грайса (Grice 1975: 41–58); общий Принцип коммуникации, разработанный Ф.Х. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом: «Будь ясным, честным, эффективным и точным» (ван Еемерен, Гроотендорст 1992: 50–57); сформулированные Дж. Личем Принципы текстопостроения: перерабатываемости, ясности, экономии, выразительности (Leech 1983: 63–70), а также признанные в общей теории коммуникации, теории речевого воздействия и аргументологии конвенции и правила общения (Демьянков 1982: 327–337). Кроме того, мы учитывали результаты наблюдений и выводы, сделанные лингвистами в рамках «ортологии научной речи» (см., напр.: Кириллова 2015; Матвеева 2000; Чернявская 2011)².

² Заметим, что попытка языковедческой разработки критериев нормативности затрагивает преимущественно один аспект – метатекстовую коммуникацию. В целом же исследование проблемы нормативной организации научной речи в рамках стилистики и текстолингвистики сводится к описанию языковых (коммуникативных) фактов, касающихся смысловых и структурно-композиционных характеристик разных видов научной прозы (см., напр., работы Е.А. Баженовой, М.Н. Кожинной, М.П. Котюровой, Н.К. Рябцевой).

Нормы вербального представления аргументативных структур в научно-гуманитарном дискурсе

В качестве базового принципа, с которым следует согласовывать языковое оформление научно-гуманитарной аргументации, нами выдвигается **принцип интерпретируемости**³: вербальная репрезентация аргументативных структур должна быть такой, чтобы реципиент смог адекватно их идентифицировать, понять, истолковать и реконструировать.

Из принципа интерпретируемости следуют два правила: 1) правило смысловой точности и 2) правило надлежащего употребления аргументативных вербализаторов. Результатом нарушения правил становятся аргументативные ошибки – неверные, неадекватные аргументативные действия, препятствующие реализации прагматики убеждения.

1. Правило семантической точности: словесные формулировки в аргументирующем рассуждении должны быть четкими и (по возможности) однозначными. Оптимальное формулирование суждений, максимально точное выражение мыслей – необходимые условия понимания сообщения и во многом залог успешной аргументации⁴. Смысловые погрешности в аргументации, возникающие в результате отклонения от этого правила, имеют прагматическую природу: они препятствуют достижению перлокутивного (убеждающего) эффекта⁵.

Зафиксированы следующие разновидности семантико-прагматических девиаций.

Семантическая деформация – искажение сигнификата вербальной единицы вследствие употребления ее в несвойственном ей значении. Деформации подвергается смысл таких частотных для научного обихода понятий, как *парадигма, коммуникация, таксономия, понятие, термин, концепт, аргументация* (причем чаще смысловые искажения допускают русскоязычные авторы). Но больше всего (и в русском, и в белорусском дискурсах) зафиксировано случаев деформированного употребления слова *дефиниция*: «Нет четких терминологических подходов к самой дефиниции “политическая система”» (САЗ: 44)⁶; «...считаем целесообразным свести названные выше “множественности” с частицами “лже”, “псевдо”, “квази”, “деви”

³ Под принципом здесь понимается конвенциональное фоновое требование к коммуникации.

⁴ Следует заметить, что традиционно в лингвистическом науковедении понятийная точность рассматривается как «доминанта научного стиля» (см. Кириллова 2015: 69).

⁵ Обратим внимание, что погрешности, связанные с нарушением требования смысловой точности, являются инвариантным элементом практически всех известных классификаций аргументативных ошибок, от античных до современных; это традиционно находит отражение в учебной литературе по логике и риторике.

⁶ При ссылках на источники фактического материала здесь и далее используются условные обозначения (см. Список источников примеров в конце статьи).

к одной дефиниции: “паранаука” или вообще отказаться от него, заменив жесткую и “режущую слух” дефиницию “паранаука” ... термином “другое знание”» (НИК1: 96); «Першапачаткова дэфініцыя *метанімія* ўмяшчала ў свой змест моўнае і літаратуразнаўчае тлумачэнне аднаго з тропай...» (Первоначальна дефиниция *метонимия* вмещала в свое содержание языковое и литературоведческое объяснение одного из тропов...) (ВБДУ1: 74); «“Вядучая тэндэнцыя” – гэта дэфініцыя, якая ўключае ў сябе і ўмовы фарміравання азначанай асобнай уласцівасці, і саму ўласцівасць...» («Ведущая тенденция» – это дефиниция, которая включает в себя и условия формирования указанного личностного свойства, и само свойство...) (ВБДПУ3: 33).

В приведенных примерах наблюдается смешение смыслов ментальных единиц, обозначаемых номинациями *дефиниция, термин, понятие*. Этот факт вызывает удивление: ведь значения этих слов фиксируются в лексикографических изданиях. В частности, по Ожегову, *дефиниция* – ‘определение, истолкование понятия’ (Ожегов 1990: 166); согласно философским словарям и учебникам логики, под дефиницией понимается логическая операция, раскрывающая содержание имени посредством описания существенных признаков предметов, обозначаемых данным именем (см., напр.: Савчук 2003: 20).

Категориальный сдвиг – объединение, сопоставление понятий, относящихся к разнопорядковым категориям. Больше примеров такой погрешности зафиксировано в текстах на русском языке: «**В науке** есть четкое разграничение этих понятий, **в телевизионном тексте** это сделать сложнее...» (НПЖ2: 63); «Ключевое **терминопонятие** “культурно-речевая компетенция” имеет интегральный (родовой) статус **по отношению к** составляющим его основным (базовым) **компетенциям**» (ФН2: 3).

Некорректное соотношение понятий отмечается и в белорусскоязычных текстах: «...ў сучасных умовах светапоглядныя ўстаноўкі функцыянуюць **не на тэарэтычным узроўні, а на ўзроўні сегментарным, выбарачным і, хутчэй за ўсё, паўсядзённым**» (...в современных условиях мировоззренческие установки функционируют не на теоретическом уровне, а на уровне сегментарном, выборочном и, скорее всего, повседневном) (ВНАНБ3: 13).

Семантический сбой – алогизм, возникающий в результате подмены понятий и, как следствие, неоправданного смещения предмета рассуждения в сторону смежной категории. Такая ошибка – частое явление в гуманитарном дискурсе: «Диалог, коммуникация – это, несомненно, и дискуссия, и обсуждение, и взаимодействие людей и идей ... Ни одно из этих наименований не выглядит панацеей от всех бед...» (САб: 34) – в действительности речь идет не о наименованиях, а о понятиях, обозначаемых ими; «Данное суждение является ключевой проблемой всего белорусского спорта, когда перспективный спортсмен в юном возрасте показывает выдающиеся результаты, а при переходе во взрослый спорт не может себя проявить» (СА4: 474) – проблемой, вероятно, является отраженная в суждении ситуация; «Існуюць асаблівыя жыццёвыя сітуацыі, якія нельга вырашыць

працэсамі прадметна-практычнай і пазнавальнай дзейнасці. Аднак іх вырашаюць працэсы перажывання» (Существуют особые жизненные ситуации, которые нельзя решить процессами предметно-практической и познавательной деятельности. Однако их решают процессы переживания) (ВБДПУ4: 46) – проблемные ситуации можно решить, скорее, не процессами, а действиями; «Узаемадзейне паняццяў культура – дзяржава і дзяржава – культура абумоўлена іх узаемнай патрэбай. Гэта патрэба вызначае ў канчатковым выніку ўсе разнастайныя формы іх кантактаў, накіраванасць і глыбіню ўзаемаўплыву» (Взаимодействие понятий культура – государство и государство – культура обусловлено их взаимной потребностью. Эта потребность определяет в конечном итоге все разнообразные формы их контактов, направленность и глубину взаимовлияния) (ВНАНБ4: 74) – корректно было бы говорить о взаимодействии не понятий, а предметов, мыслимых в этих понятиях.

Двусмысленность – использование выражений, допускающих неоднозначную трактовку. В некоторых случаях смысл высказывания уточняется последующим контекстом: «Нередко под влиянием обстоятельств или вспыльчивости молодые люди совершают поступки, которые в дальнейшем негативно влияют на жизнь и карьеру. Особую опасность для молодых людей представляет социальное окружение: друзья, товарищи по школе, соседи, знакомые и др. Согласно данным социологического исследования Института социологии НАН РБ (октябрь 2010 г.), 65,1% респондентов имеют знакомых, которые злоупотребляют спиртными напитками» (СА5: 419).

В других ситуациях двусмысленность не устраняется контекстуально: «Производство и самореализация творческих людей определяют новые подходы к потреблению. Потребители престижных благ оказывают влияние на качество и стиль жизни индивидов, тем самым способствуют укреплению социальной системы...» (СА2: 255); «...калі атрымліваецца незразумелы адказ, чалавек адразу шукае імплікатуру і звычайна яе знаходзіць нават у самых нечаканых месцах. Гэта і становіцца агульнай часткай пытання і адказу, якія ў нашым выпадку і ўяўляюць сцэнарную апазіцыю» (...если получается непонятный ответ, человек сразу ищет импликацию и обычно ее находит даже в самых неожиданных местах. Это и становится общей частью вопроса и ответа, которые в нашем случае и представляют сценарную оппозицию) (БЛ: 141).

Референциальная неопределенность – частный случай двусмысленности – возникает в результате неадекватного употребления разного рода дейктических средств: «Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами. Это отличает дискурс от других языковых единиц, которые представляют собой научные конструируемые, плоды того или иного анализа...» (ВЯ: 3) – вследствие непродуманного использования указательного местоимения остается неясным, какое именно свойство приписывается предмету мысли – дискурсу; «Асэнсаванне сябе ў сям’і хаця і не поўнаасцо ўсведамляецца дзіцем, але **яно** вызначае яго рэакцыі на тое, што адбываецца» (Осмысление себя в семье хотя и не

полностью осознается ребенком, но оно определяет его реакции на происходящее) (ВБПДУ1: 42) – причина двусмысленности – недифференцированное употребление местоимений 3-го лица.

Искажение реальных логических связей вследствие неадекватного синтаксического и пунктуационного оформления рассуждения. Пример такой ошибки обнаружен в русскоязычном речевом материале: «Язык при всей своей системности от незаполненности ряда лакун вовсе не страдает. А возникновение красного словца (логоэпистемы) никакой необходимостью не мотивировано. **Сказал (написал). Услышали (прочитали). Понравилось (повторили).** Вот логоэпистема и возникла» (ФН1: 8). Логика и прагматика выделенной фразы проясняется только в результате корректировки ее синтаксиса и пунктуации: *Сказал (написал) – услышали (прочитали). Понравилось – повторили.*

Крайним проявлением семантико-прагматической девиантности являются рассуждения и тексты, которые не поддаются пониманию и реконструкции, а потому квалифицируются как **неинтерпретируемые**. В них слова и смысл существуют параллельно, либо смысл скрыт настолько глубоко, что для его дешифровки логических и лингвистических знаний недостаточно:

«Совершенствование форм народной хоровой практики взаимосвязано с общеметодологическими основами, расширяющими её действенность от художественно-эстетических рамок до социокультурного инструментария, средства объединения людей, их самосовершенствования на основе богатства национального культурного наследия» (НИК2: 42); «При невысоком количестве антропонимических единиц и суженности круга смысловых векторов многократность употребления этих онимов в текстовом пространстве составляет 455 раз. <...> Однако анализ показывает, что значительное увеличение фреквентативных показателей последнего критерия максимально наполняет прагматическим смыслом антропонимные единицы в обозначенных социально-индикационных направлениях и локализует действующих лиц в зоне героев второго плана автора-повествователя» (ВБДУ3: 72).

Эти текстовые фрагменты демонстрируют явление, названное Г.Г. Хазагеровым «дисфункцией научного дискурса». Оно обусловлено «рассогласованностью прагматических установок: самопрезентацией ученого и презентацией новых научных идей» (Хазагеров 2010: 5). Причем одним из наиболее ярких признаков такой дисфункции, по мнению исследователя, служит «злоупотребление модными научными идиомами» (Хазагеров 2010: 17), что и наблюдается в приведенных выше русскоязычных рассуждениях.

Примеры неинтерпретируемых речевых построений отмечены и в белорусском дискурсе: «Мэта нашага эмпірычнага даследавання – вызначэнне спецыфікі ўспрымання рэкламнага паведамлення студэнтамі сродкамі выяўлення катэгарыяльнай структуры ўспрымання друкаванай рэкламы, якая

ўтрымлівае або жаночы, або мужчынскі вобраз» (Цель нашего эмпирического исследования – определение специфики восприятия рекламного сообщения студентами средствами обнаружения категориальной структуры восприятия печатной рекламы, которая содержит или женский, или мужской образ) (ВБДПУ2: 59); «У цэлым жа за кошт значнага перавышэння памераў памяншэння колькасці кандыдатаў навук над павелічэннем колькасці дактароў у аналізуемых аб'ектах сістэмы органаў дзяржаўнага кіравання адбылося памяншэнне колькасці даследчыкаў вышэйшай кваліфікацыі – на 1,9%» (В целом же за счет значительного превышения размеров уменьшения количества кандидатов наук над увеличением количества врачей в анализируемых объектах системы органов государственного управления произошло уменьшение количества исследователей высшей квалификации – на 1,9%) (ВНАНБ2: 11).

В оценке таких текстов сошлемся на мнение специалистов-ортологов: «Делает научную речь плохой всё, что мешает ее адекватному пониманию, в том числе... стремление к наукообразию в ущерб научности...» (Кириллова 2015: 84). Здесь кажется уместным вспомнить известный афоризм: *Кто ясно мыслит – ясно излагает!*

2. Правило компетентного употребления аргументативных вербализаторов: используемые в обосновании языковые индикаторы аргументации должны коррелировать с теми видами аргументативных связей, структур, отношений, которые они обозначают. В противном случае возникает ошибка, которую мы назвали **ложной навигацией**. Суть ее в том, что семантика объективирующих аргументацию языковых средств не соответствует их прагматической роли. Это приводит к дезориентации воспринимающего субъекта, который «направляется по ложному пути».

Охарактеризуем два, наиболее распространенных, вида ложной навигации.

Употребление фиктивных вербализаторов – использование маркеров аргументации при фактическом отсутствии репрезентируемых ими значений. Особенно часто такая ошибка возникает при употреблении аргументативных клише, предназначенных для выражения тезиса: рус. *таким образом; следовательно; из этого следует/вытекает; мы убедились в том, что; можно утверждать/сделать вывод, что; ввиду этого;* бел. *такім чынам; з гэтага вынікае, што; таму можна зрабіць вывад, што; гэта дае падставы сцвярджаць/гаварыць* и т.п. Подобные вербализаторы далеко не всегда выполняют свою функцию в дискурсе. Используясь фиктивно, они выступают как «ложные друзья» интерпретатора»: скрывают логическую ошибку «не следует», которая свидетельствует о несостоятельности аргументации (см.: Савчук 2016: 467).

Употребление псевдовербализаторов зафиксировано и в русско-, и в белорусскоязычной гуманитаристике.

«Так как промышленное производство не акцентируется на предметах роскоши, нет необходимости в накоплении денег на роскошные товары.

Таким образом, необходимым условием развития общества является распространение инноваций. Возникновение новых производственных отраслей расширяет слой потребителей. Из этого следует, что с развитием инновационных технологий новые предметы потребления становятся доступными в зависимости от потребительских предпочтений высшего класса. Таким образом, инновационный продукт взаимосвязан с различием бедных и богатых слоев населения» (СА1: 254). *Этот пример примечателен тем, что ни один из включенных в обоснование вербализаторов не реализует свое прагматическое значение.*

«**Такім чынам, на наш погляд,** тэлешоу валодае дастатковай колькасцю фармальных і змястоўных прымет, якія адрозніваюць яго ад іншых сённяшніх тэлепрадуктаў, каб вылучыць яго ў якасці асобнага жанру сучаснай тэлежурналістыкі. **Падагульняючы ўсё сказанае, зробім выснову:** тэлешоу – гэта праграма, якая характарызуецца пастановачнасцю і відовішчнасцю, наяўнасцю вялікай колькасці камунікатыўных роляў, асноўная мэта якой – забаўленне аўдыторыі або інфармаванне і асвета праз сродкі забаўляльнага тэлевяшчання» (Таким образом, на наш взгляд, телешоу обладает достаточным количеством формальных и содержательных признаков, которые отличают его от других сегодняшних телепродуктов, чтобы выделить его в качестве отдельного жанра современной тележурналистики. Подытоживая все сказанное, сделаем вывод: телешоу – это программа, которая характеризуется постановочностью и зрелищностью, наличием большого количества коммуникативных ролей, основная цель которой – развлечение аудитории или информирование и просвещение через средства развлекательного телевидения) (ВБДУ2: 85). Насыщенность текста аргументативными клише дает все основания реципиенту квалифицировать маркируемые ими высказывания как главный тезис аргументации (*Телешоу – это особый жанр современной журналистики, который обладает специфическими свойствами*). Однако дискурсивный анализ показывает, что такая интерпретация неправомерна: приведенный фрагмент находится в середине текста и восстановленный тезис не имеет прямой корреляции с заголовком («Шоу ў сістэме тэлевізійных жанраў» (Шоу в системе телевизионных жанров). Соответственно, он не согласуется с заданной заголовком интенциональной направленностью статьи (выявление места шоу в системе телевизионных жанров).

Семантико-прагматический диссонанс – погрешность, которая проявляется в причинно-следственной аргументации. В каузальном обосновании закономерным является дистрибутивный характер использования аргументативных вербализаторов, подчинение их семантических свойств прагматическим (соответственно, положительная оценка следствий маркируется лексемами типа *способствовать, содействовать, помочь, благоприятствовать* и т.п., отрицательная – лексемами *препятствовать, тормозить, затруднять* и др.). В случае употребления языковых единиц, наделенных «*позитивной семантикой*», для репрезентации негативных

следствий возникает семантико-прагматическая рассогласованность. Такая погрешность чаще наблюдается в русскоязычном дискурсе (преимущественно в статьях по социологии и психологии): «Исследуются факторы, **способствующие** воспроизводству и распространению коррупционной практики в современном белорусском обществе» (СА2: 138); «...сейчас в нашем обществе в большей мере востребованы психологические знания, нежели психологическая культура. Это **создает благоприятную почву** для всевозможного манипулирования людьми» (НПЖ1: 17); Однако здесь **открывается** и **перспектива** маргинализации научного знания (СА6: 36); «Структурная деформация семьи все-таки крайне нежелательна. Она **вносит значительный вклад** в развитие социальных девиаций личности» (НПЖ3: 41).

Аналогичные примеры зафиксированы в разнопрофильных текстах на белорусском языке: «Такім чынам, распаўсюджванне апазіцыйнага настрою сярод моладзі **можа стаць значным фактарам** у намаганнях апазіцыі дэстабілізаваць сітуацыю ў рэспубліцы. Разам з тым наяўнасць бюракратычных падыходаў улад да вырашэння шматлікіх праблем ... **садзейнічае** далейшаму распаўсюджванню радыкальна-апазіцыйнага настрою сярод значнай часткі моладзі» (Таким образом, распространение оппозиционного настроения среди молодежи может стать значительным фактором в усилиях оппозиции дестабилизировать ситуацию в республике. Вместе с тем наличие бюрократических подходов властей к решению многих проблем... способствует дальнейшему распространению радикально-оппозиционного настроения среди значительной части молодежи) (БД: 121); «Для сучаснага глядача неіграваы фільм з'яўляецца сінонімам усяго сумнага і стомнага, чаму **паспрыяла** здранцвелае клішыраванае форма многіх карцін» (Для современного зрителя неигровой фильм является синонимом всего скучного и утомительного, чему поспособствовала одереженевшая клишированная форма многих картин) (ВНАНБ1: 70); «Камічны эфэкт дасягаецца **пры дапамозе** парушэння максім Грайса» (Комический эффект достигается с помощью нарушения максим Грайса) (БЛ: 141).

Во всех этих аргументирующих рассуждениях негативная оценка следствий диссонирует с их «позитивным» вербальным представлением (позитивная семантика вербализаторов подтверждается словарными толкованиями: *Способствовать* – 1. Оказывать помощь, содействовать. 2. Быть причиной, помогать возникновению, развитию чего-н. (Ожегов 1990: 756); *Благосклонно относиться* – Способствовать, помогая в чем-н. (Ожегов 1990: 55). Здравый смысл в данном случае представляется надежным основанием для утверждения: помогать плохому, негативному противоестественно.) Заданная аргументативной схемой когнитивная установка на позитивное следствие не оправдывается, что искажает восприятие аргументации.

Ошибки, совершаемые аргументатором на вербально-концептуальном уровне, ощущаются реципиентом как движение с препятствиями: понимание аргументации требует напряжения – дополнительных

интеллектуальных, эмоциональных и временных затрат, что не способствует эффективности коммуникации.

Заключение

Выбор языковых средств, вербализующих аргументацию, входит в зону персональной ответственности ученого. Учитывая, что письменный дискурс характеризуется продуманностью и подготовленностью, а научная статья – продукт длительной аналитической работы исследователя, погрешности, связанные с неадекватной вербализацией научного обоснования, трудно оправдать. Их профилактика – формирование аргументативной компетенции, а также внимательное и ответственное отношение гуманитариев к презентации результатов научного поиска.

В этом плане представляется уместным апеллировать к мнению специалиста по эпистемологии Н.С. Автономовой. Размышляя о философском языке, она замечает: «...Сейчас, наверное, труднее, чем когда-либо раньше, быть умным, но легче им казаться: нет не только заданной системы связей между понятиями, нет и языка как системы, есть отдельные словечки, которые стало модно объединять в лоскутные одеяла» (Автономова 1999: 17). Эти мысли, высказанные двадцать лет назад, сегодня не только не потеряли актуальности, но умножили ее многократно. Не менее важен вывод исследовательницы об ответственности членов научного сообщества за свои слова и одновременно ответственности «перед словом и понятием» (Там же).

Злободневным является еще одно высказывание Н.С. Автономовой: «научиться читать мысли много сложнее, чем научиться читать буквы» (Автономова 1999: 22). Развивая эту идею, надо признать, что научиться писать мысли (а значит, создавать смыслы) гораздо сложнее, чем научиться писать слова и предложения. В этом контексте особую значимость приобретает саморефлексия исследователей-гуманитариев как путь к профессиональной идентичности.

Как показал сравнительный анализ, некорректное языковое поведение допускается и русско-, и белорусскоязычными авторами. Различается лишь частотность тех или иных аргументативных ошибок.

Проведенное исследование подтвердило эффективность конвергентного подхода к изучению аргументативного дискурса: необходимым условием качественного анализа и адекватной оценки научно-гуманитарной аргументации является объединение методов лингвопрагматики и логики.

Разработанная нормативная концепция, как представляется, может послужить методологической базой для дальнейших интегральных исследований аргументации, а также практическим руководством по формированию аргументативной компетенции.

Литература

- Автономова, Н.С. (1999). Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы. *Вопросы философии*. № 1. С. 13–28.
- Брутян, Г.А. (1992). *Очерк теории аргументации*. Ереван: Изд-во АН Армении. 303 с.
- Демьянков, В.З. (1982). Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации). *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* Т. 41. С. 327–337.
- Еемерен, Ф.Х. ван, Гроотендорст, Р. (1992). *Аргументация, коммуникация и ошибки*. Пер. с англ. Санкт-Петербург: «Васильевский остров». 208 с.
- Кириллова, И.А. (2015). Сфера науки. В: *Хорошая речь: коллект. моногр.* Сиротинина, О.Б. и др. / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Изд. 3-е, стер. Москва: URSS: Либроком. С. 69–84.
- Матвеева, Т.В. (2000). Об ортологии текста. В: *Культурно-речевая ситуация в современной России: сб. статей / под ред. Н.А. Купиной*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 21–29.
- Ожегов, С.И. (1990). *Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой*. 22-е изд., стер. Москва: Рус. яз. 991 с.
- Савчук, Т. (2016). Вербализация аргументативных структур в научном гуманитарном дискурсе. В: *Русистика и современность*. 18-я Междунар. науч. конф.: сб. науч. работ. Рига: Балтийская международная академия. С. 461–468.
- Савчук, Т.Н. (2003). *Логика. В 3 ч. Ч. 1. Имена и высказывания*. Минск: Изд-во МИУ. 45 с.
- Хазагеров, Г.Г. (2010). Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс. *Социологический журнал*. № 2. С. 5–21.
- Чернявская, В.Е. (2011). *Нормативное и девиантное в научной коммуникации. Лингвистический и социокультурный анализ*. Москва: «ЛИБРОКОМ». 240 с.
- Eemeren, F.H. van, Garssen, B., Krabbe, E. et al. (2014). Argumentation theory. In: *Handbook of argumentation theory*. Dordrecht [etc.]. Pp. 1–50.
- Eemeren, F.H. van (2001). Fallacies. In: *Crucial concepts in argumentation theory / ed. by F.H. van Eemeren*. Amsterdam: Amsterdam University Press. Pp. 135–164.
- Grice, H.P. (1975). Logic and conversation. In: *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press. Pp. 41–58.
- Leech, G.N. (1983). *Principles of pragmatics*. London, New York: Longman. 250 p.

Источники примеров

- БД – Казлякоў, У. (2003). Дзеткі ці марыянеткі? *Беларуская думка*. № 8. С. 116–121.
- БЛ – Фамічова, Н.В. (2011). Моўныя сродкі выражэння камічнага ў беларускім гумарыстычным фальклоры. *Беларуская лінгвістыка*, выпуск 67. С. 144–145.
- ВБПДУ1 – Грыцкова, К.В. (2005). Спецыфіка сямейнага ўзаемадзеяння ў падлеткавым узросце. *Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. № 1 (43). С. 40–44.
- ВБДПУ2 – Істамянок, С.С. (2005). Успрыманне друкаванай рэкламы студэнтамі. *Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. № 2 (44). С. 59–61.
- ВБДПУ3 – Петрашкевіч, Н.У. (2006). Роля тыпалагічных дэтэрмінантаў у дынаміцы індывідуальна-асобасных уласцівасцей. *Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. № 1. С. 33–37.
- ВБДПУ4 – Мнішкур, К.С. (2005). Псіхалагічная абарона – форма пазітыўнага ўплыву на эмацыянальны стан асобы. *Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. № 2 (44). С. 46–48.

- ВБДУ1 – Горбач, В.А. (2008). Метанімія як лінгвістычны інструмент дыскурснага аналізу СМІ. *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка.* № 2. С. 73–76.
- ВБДУ2 – Кузьмінава, А.Ю. (2014). Шоу ў сістэме тэлевізійных жанраў. *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка.* № 1. С. 84–87.
- ВБДУ3 – Шeverинова, О.В. (2015). Номинационные ряды мужских персонажей в антропонимиконе В.П. Астафьева: социопрагматический аспект. *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка.* № 2. С. 69–73.
- ВНАНБ1 – Дашук, В.В. (2005). Паняцце мастацкага стылю ў дакументальным кіно (на матэрыяле беларускіх неігравых фільмаў). *Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* № 3. С. 70–76.
- ВНАНБ2 – Дзімітрук, П.П. (2002). Кадровая сітуацыя ў навуцы Рэспублікі Беларусь. *Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* № 1. С. 5–13.
- ВНАНБ3 – Мыслівец, М.Л. (2004). Сацыяльнае самавызначэнне і каштоўнасныя арыентацыі беларускіх студэнтаў. *Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* № 4. С. 11–16.
- ВНАНБ4 – Скараходаў, У.П. (2003). Узаемадзеянне культуры і дзяржавы. *Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* № 2. С. 74–79.
- ВЯ – Кибрик, А.А. (2009). Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания.* № 2. С. 3–21.
- НИК1 – Калинина, Г.Н. (2012). Паранаука – маргинальное знание или... спор за науку? (в чьи паруса дует ветер века?). *Наука. Искусство. Культура,* выпуск 1. С. 93–102.
- НИК2 – Сараева, Л.П. (2012). Музыкальный фольклор в аспекте его социально-регулятивного содержания. *Наука. Искусство. Культура,* выпуск 1. С. 8–17.
- НПЖ1 – Дубровина, И.В. (2007). Психологическая культура и образование. *Национальный психологический журнал.* № 2. С. 16–20.
- НПЖ2 – Малыгина, Л.Е. (2010). Телевизионный анонс: информирование или манипулирование. *Национальный психологический журнал.* № 2 (4). С. 60–63.
- НПЖ3 – Реан, А.А. (2007). Семьи риска. Дети. Общество. *Национальный психологический журнал.* № 2. С. 40–43.
- СА1 – Баханов, А.Г. (2013). Двойственная природа престижного потребления: социологический анализ. *Социологический альманах,* выпуск 4. С. 251–257.
- СА2 – Бубнов, Ю.М. (2011). Коррупция как социальная болезнь. *Социологический альманах,* выпуск 2. С. 138–149.
- СА3 – Котляров, И.В. (2011). Политическая система Беларуси: теоретическое регулирование и социологическое осмысление. *Социологический альманах,* выпуск 2. С. 41–53.
- СА4 – Синиченко, Р.П. (2013). Хоккей как стиль жизни и зрелище: социологический анализ. *Социологический альманах,* выпуск 4. С. 469–476.
- СА5 – Тарасов, В.С. (2013). Профилактика потребления спиртных напитков и формирование здорового образа жизни. *Социологический альманах,* выпуск 4. С. 417–425.
- СА6 – Федотова, В.Г. (2011). Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами. *Социологический альманах,* выпуск 2. С. 33–40.
- ФН1 – Бурвикова, Н.Д., Костомаров, В.Г. (2008). Логоэпистемическая составляющая современного языкового вкуса. *Филологические науки.* № 2. С. 3–11.
- ФН2 – Сковородников, А.П., Копнина, Г.А. (2009). О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения. *Филологические науки.* № 3. С. 3–14.

**Semantiski pragmatiskas kļūdas zinātniskā argumentācijā:
krievu un baltkrievu humanitāro zinātņu teksti**

Rakstā aplūkots krievu un baltkrievu zinātniskais un humanitārais diskurss. Raksta autore sistematizē semantiski pragmatiskas kļūdas, kuru pamatā ir neadekvāts valodas līdzekļu izmantojums un interpretācijas principa neievērošana. Autore raksturo tādas deviācijas veidus kā semantiskas un kategoriju deformācijas, neskaidras references, semantiski pragmatiska disonanse u. c., atklājot šo kļūdu rašanās mehānismus.

**Semantic-Pragmatic Fallacies in Scientific Argumentation
(on the material of Russian and Belarusian texts inn humanities)**

The article presents the result of the logical-linguistic analysis of Russian-language and Belarusian-language scientific discourse in humanities. Semantic-pragmatic fallacies, the source of which is the inadequate use of linguistic means because of violation of the principle of interpretability, are systematized. Different kinds of deviations are described such as semantic deformation, categorical shift, semantic failure, referential uncertainty, semantic-pragmatic dissonance etc. The mechanisms of occurrence of these fallacies are identified; their semantic-pragmatic nature is substantiated.